

О. В. Золотко**

**«ДВОЙНИК» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В СВЕТЕ
ПСИХОАНАЛИЗА: К ИСТОРИИ РЕЦЕПЦИИ****

Статья содержит обзор исследований повести Ф. М. Достоевского «Двойник» с точки зрения психопатологии и психоанализа. Этот обзор имеет целью осветить основные тенденции в психоаналитическом толковании текста Достоевского, а также основные концепции, применявшиеся к повести «Двойник». С одной стороны, случай Голядкина рассматривается как патологический, с другой — трактуется как форма двойственности человеческой природы вообще. Различные интерпретации произведения Достоевского основываются на теориях З. Фрейда, О. Ранка, М. Кляйн, Ж. Лакана, Ж. Делёза и др.

Ключевые слова: Достоевский, «Двойник», психоанализ.

O. V. Zolotko

*DOSTOEVSKY'S «THE DOUBLE» IN THE LIGHT OF THE PSYCHOANALYSIS:
THE HISTORY OF RECEPTION*

The article contains the review of the researches of Dostoevsky's novel «The Double» in the light of psychopathology and psychoanalysis. This review is meant to go into the main tendencies in psychoanalytic interpretation of Dostoevsky's text, the concepts, which are applied in investigations of «The Double». On the one hand, Golyadkin's case is viewed as pathological, on the other hand, it is interpreted as a form of human dualism. Different interpretation of Dostoevsky's work are based on theories by Z. Freud, O. Rank, M. Klein, J. Lacan, G. Deleuze and other.

Keywords: Dostoevsky, «The Double», psychoanalysis.

«Двойник» Ф. М. Достоевского неизменно привлекает к себе внимание исследователей, в т. ч. изучающих отражение психопатологических явлений

* Золотко Ольга Вячеславовна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела Государственного музея истории российской литературы им. В. И. Даля, Музей-квартира Ф. М. Достоевского; zolga13@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Достоевский в зарубежной рецепции: от классики до постмодерна» № 18–012–90033.

в художественной литературе, а также применяющих методы психоанализа в ее интерпретации. В данной статье нашей задачей будет проследить основные направления, тенденции в анализе «Двойника» с точки зрения психоанализа.

Обзор более чем полуторавековой истории рецепции повести в свете психиатрии, психопатологии и психоанализа уместно начать с известного высказывания В. Г. Белинского о «Двойнике»: «Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведывании врачей, а не поэтов» [1, с. 41]. Критик увидел в характере и в способе изображения душевной болезни героя нечто выходящее за рамки художественной литературы, но в то же время из его слов не следует, что он отказал писателю в правдоподобию описания психического расстройства. Вслед за Белинским другие критики оценивали повесть как «сочинение патологическое» (А. А. Григорьев) [4, с. 30], писали о мастерском проникновении «в сокровенную машину человеческих чувств, мыслей и дел» (В. Н. Майков) [12, с. 5]. Н. А. Добролюбов, заявив, что до него критики не забирались «далее того, что “герой романа — сумасшедший”» [6, с. 258], психологически мотивировал поступки главного героя тем, что он из чувства обиды, униженности перенимает нехарактерный для него образ действий и

группирует все подленькое и житейски ловкое, все гаденькое и успешное, что ему приходит в фантазию; но отчасти практическая робость, отчасти остаток где-то в далеких складках скрытого нравственного чувства препятствуют ему принять все придуманные им пронырства и гадости на себя, и его фантазия создает ему «двойника» [6, с. 257–258].

Вслед за литературными критиками к загадке болезни Голядкина обратились психиатры, приступив к нему с медицинской точки зрения. В работе «Достоевский как психопатолог» В. Чиж очень высоко оценил несомненные познания Достоевского в причинах, условиях, симптоматике душевных расстройств и отклонений, в отношении «Двойника» отметил достоверность в изображении болезни. Однако «раздвоение» Голядкина исследователь считает неудачей Достоевского, «случайным элементом», после которого «на сцену выступают явления чересчур редкие и неинтересные» [18, с. 30].

В. М. Бехтерев, гораздо позже писавший о повести, однако тоже с психопатологической точки зрения, оспаривает вердикт В. Чижа, что введение фигуры двойника «умалывает значение этого произведения в смысле изображения маниакального возбуждения, в общем верного и правдивого», по его мнению, «при дегенеративности и истеричности болезненного состояния галлюцинации двойника составляют ничуть не редкость и описывались многократно психиатрами» [3, с. 137].

При расхождении в оценках можно заметить, что критики и психопатологи все же исходят из одного основания: текст правдоподобно изображает патологические психические отклонения. С появлением и развитием психоанализа, его проникновением в область анализа литературных произведений подходы к истолкованию текста как отражения психической реальности усложнились.

Влиятельным оказался метод З. Фрейда, применившего различные психоаналитические концепции к прочтению художественных произведений.

Непосредственно к повести «Двойник» обратился ученик З. Фрейда О. Ранк в работе “Der Doppelgänger. Psychoanalytische Studie“ (1914) в числе других произведений о феномене двойничества. Ранк анализирует фигуру двойника в мифах, культуре различных народов и приходит к следующим выводам: инфантильный и первобытный нарциссический характер из страха смерти создает себе двойника, призванного защитить личность от уничтожения, однако затем эта защита может обернуться угрозой для своего создателя. Переживание преследования может сопровождаться параноидальным состоянием, страхом преследования, которые, согласно З. Фрейду, возникают на почве мании величия и сексуальной переоценки своей личности [25, S. 101].

Идеи Ранка и Фрейда оказали влияние на анализ «Двойника» последователями психоанализа — Т. К. Розенталь, Н. Е. Осипова, И. Д. Ермакова; упоминание этих концепций появляется в работах П. С. Попова, А. Л. Бема (из большого числа публикаций о «Двойнике» мы, конечно, обратимся только к тем, в которых имеются значимые методологические отсылки к психиатрии и психоанализу).

Рассмотрим прежде всего работы, опирающиеся на метод Фрейда как основной и анализирующие болезнь Голядкина как действительную патологию, душевное заболевание — работы Т. К. Розенталь, Н. Е. Осипова, И. Д. Ермакова. Можно выделить положения, которые объединяют эти исследования. Исследователи сходятся в определении расстройства Голядкина как нарциссического. С медицинской точки зрения болезнь Голядкина определяет как «маниакальный психоз» Розенталь, описывают ее параноидальную природу (опираясь на работы О. Ранка, З. Фрейда) Ермаков, Осипов. По мнению Осипова, однако, сам феномен появления двойника «не представляет собою в психиатрической практике такого часто наблюдаемого явления, как, напр., паранойя и другие галлюцинации», поэтому повесть представляет собой «казуистический интерес» [13, с. 79].

Следуя интерпретации О. Ранка, Н. Е. Осипов (1927) говорит о паранойе Голядкина, указывает на связь двойничества с переживанием чувства вины, которое вызывает целый комплекс следующих переживаний: «1) сознание большого расстояния между действительностью и идеалом; 2) сильный страх смерти; 3) тенденцию самонаказания вплоть до самоубийства» [13, с. 89]. Этот же процесс пересказывает И. Д. Ермаков (1925) [9, с. 410–411].

Появление двойника объясняется механизмом вытеснения собственных желаний, которые герой не может в себе принять, считает их невозможными, чуждыми. В каком-то смысле прежнее толкование Добролюбова получает психоаналитическое обоснование через явление вытеснения бессознательного, но важна разница: эти стремления все же внутренне ему присущи, а не навязаны обществом. Т. К. Розенталь (1920) пишет, что

в «Двойнике» Достоевский в художественной форме изобразил то, что лишь современная психологическая школа в психиатрии (Freud, Bleuler, Jung) установила научным наблюдением: содержание галлюцинаций нередко является выражением вытесненных в бессознательную сферу комплексов сильно окрашенных чувством представлений большого, несомнимых с комплексом личности и проецируемых во внешний мир [16, с. 26].

И. Д. Ермаков разделяет эту интерпретацию [9, с. 405].

Своеобразно уточнение природы вытеснения Н. Е. Осиповым (1927), т. к. он предполагает за Голядкиным уже в предыстории повести какой-то неблаговидный поступок «сексуального в широком смысле слова характера» по отношению к Каролине Ивановне, за который герой испытывает чувство вины, для него невыносимое, поэтому он находит выход в том, чтобы «*проецировать* собственное душевное состояние в других», вытесняя таким образом свои желания и чувство вины [13, с. 76].

Розенталь, Осипов, Ермаков в числе вытесненных желаний и свойств предполагают скрытое честолюбие, стремление к власти, богатству, роскоши, способность на подлость, подхалимство, лицемерие, кроме того, желания эти имеют и эротический подтекст, таят скрытое сладострастие (движущее героем в его планах женитьбы на Кларе Олсуфьевне).

Другие работы о «Двойнике» можно объединить истолкованием явления двойничества в повести Достоевского не как патологии, но как отражения двойственности человеческой природы вообще — исследования П. С. Попова (1928), А. Л. Бема (1938), к ним в некоторых своих утверждениях относится и упоминавшаяся работа Н. Е. Осипова (1927).

Н. Е. Осипов в последнем разделе своей статьи размышляет о двойничестве как следствии всякого «недовольства самим собою», из желания «*преображения*». «У Г-а это желание разрешилось появлением двойника», но двойничество проявляется в разных сферах человеческой жизни — биологической (близнецы), социальной (друг как alter ego), служебной (человек как личность и как исполнитель) и т. д. [13, с. 87–88], его формой является даже явление «нормальной душевной жизни» — «*беседа человека наедине с самим собою*» (курсив Осипова) [13, с. 88]. Преодоление этого болезненного, замкнутого на самом себе и своих повторениях состояния метания «в зеркальной клетке своего одиночества» (о. С. Булгаков) Осипов предполагает возможным в любви и в художественном творчестве.

Оригинальна концепция П. С. Попова (1928). Анализируя конфликт подсознательного и рассудочного в произведениях Достоевского, он обращается к концепции «Я» и «Оно». В сюжетах Достоевского «Оно» скрывается в подсознательном, но вырывается наружу и одерживает превосходство над рациональным, что Попов в целом трактует оптимистично, считая Достоевского, под влиянием идей Вяч. Иванова («Борозды и межи»), «поборником инстинктивно-творческого начала жизни», утвердителем «его верховенства над началом рациональным» [15, с. 28], т. к. «доподлинная сила индивидуальной мощи лежит в подсознательном» [15, с. 27]; немаловажно заметить, что, по мнению Попова, «не только наиболее глубокое, но и более высокое в “Я” может быть бессознательным» [15, с. 28]. Исследователь пишет не просто о вытеснении подсознательного, но даже о расщеплении личности, однако применяя психоаналитическую концепцию борьбы «Я» и «Оно» к творчеству Достоевского в целом, трактует ее как некий художественный сверхпринцип, по которому устроены все произведения Достоевского: от «Я», выраженного в главном герое, отщепляется «Оно», воплощенное во второстепенных персонажах, в центре произведений «стоит единое сознание, причем отдельные

персонажи оказываются лишь средствами для обнаружения этой основной судьбы» [15, с. 46]. Попов прослеживает этот принцип в анализе отдельных произведений, при этом «Двойника» считает не самым удачным воплощением этого принципа, т. к. писатель «слишком резко употребил данный прием и для случая, можно сказать, крайнего» [15, с. 47].

А. Л. Бем в анализе «Двойника» с точки зрения психоанализа (в книге «Психоаналитические этюды» (1938), раздел «Рассудок и хотенье»), как и П. С. Попов, основывается на учении Фрейда о «Я» и «Оно», но приходит к другим выводам. В учении о структуре душевной организации А. Л. Бем особенно заостряет внимание на роли «над-Я» («Сверх-Я» в современных переводах), которое является инстанцией самокритики личности. Эта часть бессознательного может быть так же жестока, разрушительна для целостности личности, как и подавляемые желания, влечения, если она вступает в конфликт с «Я». Именно такого рода конфликт Бем считает причиной раздвоения Голядкина. В этом пункте он полемизирует с большинством исследователей (Бем упоминает Анненского, Переверзева, но в этом вопросе сходятся и другие названные выше авторы), которые считают, что «двойник воплощает неосуществленные и неосуществимые мечты Голядкина <...> Голядкина погубила не невозможность самоутвердиться в жизни, <...> а слишком высокий уровень его моральной личности» [2, с. 181–182], он «жестоко требователен к себе» и не может преодолеть конфликт «между его совестью и его поведением» [2, с. 183]. Бем как бы переворачивает видение ситуации: в двойнике не «Оно» вырвалось наружу, но «сверх-Я» не смогло смириться с бессознательными желаниями и влечениями и, беспощадно их осудив, овладев личностью героя, вызвало появление двойника.

В целом в работах этой эпохи о «Двойнике» проявились общие тенденции проникновения психоанализа в область литературоведения: происходит уточнение «медицинского случая» Голядкина, сюжет анализируется с точки зрения симптомов душевного заболевания. Такой анализ текста как отражения внеязыковой действительности был и ранее в работах психопатологов, но теперь психоанализ проникает и в психологию творчества, получает новые инструменты описания персонажей с точки зрения теории бессознательного.

С уходом психоанализа из поля зрения официальной советской науки прекратились и попытки анализа текстов Достоевского, в т. ч. повести «Двойник», с точки зрения психоанализа, обращение к этому методу возобновилось в новейших российских работах. В зарубежных исследованиях применение психоаналитических описаний к «Двойнику» имеет более обширную традицию.

Развитие психоанализа, пересмотр идей классической школы отразился и в литературоведческих работах. Были критически переосмыслены прошлые психоаналитические описания «Двойника». Л. Кольберг (1963) оспаривает взгляд на болезнь Голядкина как на паранойю: герой осознает, что двойник является его частью, в то время как «типичная параноидальная ситуация состоит в том, что невинное “я” несправедливо обвиняемо и мучимо злыми другими» (перевод наш. — О. З.) [22, р. 351]. Также ситуация не согласуется с концепцией «расщепления личности» (помимо истории Голядкина, исследователь рассматривает в статье также сюжеты Версилова, Ивана Карамазова и других героев,

имеющих опыт появления «двойника»). С точки зрения Кольберга, раздвоение героев Достоевского имеет обсессивно-компульсивный характер, происходит из колебания между двумя противоположными идеями [22, р. 351]. В отношении истории Голядкина исследователь также предполагает, что Достоевский описал в повести случай «автоскопических галлюцинаций», т. е. зрительных галлюцинаций, когда человек видит свое тело как бы со стороны. По мнению исследователя, опыт внетелесного переживания мог иметь сам писатель, это могло быть вызвано его эпилепсией [22, р. 354].

С гипотезой об автоскопической галлюцинации соглашается Л. Брегер (1989). Кроме того, в связи с анализом «Двойника» он полемизирует с точкой зрения исследователей, рассматривающих «эдипов комплекс» как ключевой в интерпретации личности и творчества Достоевского [20, р. 118], по его мнению, Достоевского больше занимала проблема самости, писателя можно считать предшественником психоаналитиков, уделявшим большую роль «эго», «самости», «идентичности» (Эриксон, Фэйрбейрн, Виникотт (британская школа объектной теории отношений), Кохут) [20, р. 270].

Однако, несмотря на критику, концепции Фрейда по-прежнему влиятельны, круг его идей, приложимых к тексту Достоевского, расширился. В «оборот» инструментов анализа «Двойника» была введена статья Фрейда «Жуткое» (1919), которой ранее исследователи не касались в связи с «Двойником». В этой работе психоаналитик в числе различных механизмов появления чувства жуткого рассматривает также и феномен появления двойников. З. Фрейд ссылается на основные идеи О. Ранка. Размышляя о том, почему двойник кажется жутким, Фрейд предполагает, что он заключает в себе «некое образование, относящееся к преодоленным доисторическим временам душевной жизни» [18, с. 281], к которым относится также эдипов комплекс и связанный с ним страх кастрации.

Возможно, что с обращением к этой статье в анализах «Двойника» исследователи более детально стали описывать проявление схемы «эдипова комплекса». Например, Р. Дж. Розенталь с этой точки зрения интерпретирует фигуру Владимира Семеновича, «любимого сына нескольких символических отцов Голядкина», как «младшего брата», отнимающего у него любовь родителей. Образ Клары Олсуфьевны тоже значим скорее как образ соперницы за отцовскую любовь (она единственная дочь благодетеля Голядкина), чем объект любви [27, р. 73]. Материнскую фигуру исследователь обнаруживает в образе Клары Ивановны, хозяйки бывшей квартиры Голядкина, в неправильном отношении к которой все его упрекают — к женщине, которая дала ему кров и пищу [27, р. 74]. Роль «отца-благодетеля» примеряет на себя и сам Голядкин в отношении двойника (интересно замечание Розенталя о том, что этого персонажа, хотя он является двойником, читатель почему-то воспринимает как персонажа более молодого по сравнению с главным героем) [27, р. 73].

Явления «эдипового комплекса», страха кастрации, вытеснения, расщепления субъекта, описанные Фрейдом в данной статье, обнаруживает в произведении Достоевского М. Зведенюк (2012). В состоянии героя автор особенно отмечает его постоянную неуверенность, которая «растет и развивается в сплав ужаса, смятения, замешательства и отвращения» (перевод наш. — О. З.) [29,

р. 115]. Фигуру Клары Олсуфьевны исследователь толкует исключительно в рамках эдипова и кастрационного комплекса, утверждая, что женский персонаж является для героя и «источником удовольствия» и «вызывает необъяснимый страх» (перевод наш. — О. З.) [29, р. 117]. Именно в ее присутствии особенно сильно желание героя обратиться «в ветошку», что в толковании Фрейда в его работе «По ту сторону принципа удовольствия» может быть интерпретировано как влечение к смерти, желание обратиться в неодушевленное состояние, т. е. вернуться в утробу матери. В рамках этой концепции рассматривается и образ Крестьяна Ивановича как фигура, подобная отцу [29, р. 121]. Проводя аналогию между появлением двойника и обманчивым отражением в зеркале, исследователь ссылается на З. Фрейда: происходит

идентификация с другим человеком, из-за чего человек теряется в своем «я» или подменяет чужим «я» свое собственное... происходит удвоение «я», разделение «я», подмена «я», и, наконец, постоянное возвращение одного и того же [17, с. 279].

Идеи Фрейда, Ранка о двойничестве как нарциссическом расстройстве применяет в анализе «Двойника» также И. М. Кадыров (2011). Исследователь перечисляет комплекс проблем при патологическом нарциссизме, приводит перечень форм двойничества, описанных в психиатрии со времен Фрейда [10, с. 126–127]. В анализе ситуации Голядкина исследователь считает возможным соединить две психоаналитические концепции: «отцовскую линию» З. Фрейда и «линию матери-сублинга» (версия Л. Брегера); также исследователь считает важным ввести в анализ понятие «первичной сцены» по З. Фрейду. Таким образом Кадыров уточняет с точки зрения современного психоанализа концепцию Ранка: феномен двойничества коренится «в ранних отношениях с матерью (в сегодняшней терминологии — с симбиотической, фузионной, поглощающей архаической матерью младенческого периода)» [10, с. 126], также может воплощать репрезентацию отца или сублинга, если они являются фигурами нарциссической привязанности. С этой точки зрения Кадыров интерпретирует тему сублинговой ревности, ее отражение, например, в имени главного героя (ветхозаветный Иаков, близнец Исава, его соперник за первородство). «Отцовская линия» получила воплощение в фигуре врача Рутеншпица, в его образе исследователь находит параллель с отцом писателя (врач; Рутеншпиц — «шпицрутен»), за этим скрывается «двойная идентификация автора (и героя), т. е. идентификация с жертвой и мучителем» [10, с. 131].

К анализу повести Достоевского применяются новые концепции в психоанализе. Ряд исследователей в «Двойнике» находят изображение «проективного механизма», описанного М. Кляйн, последовательницей Фрейда, в работе «Заметки о некоторых шизоидных механизмах» (1946). Исходя из фрейдистского понимания проекции как способа отвести угрозу смерти, она описывает процесс «проективной идентификации» при шизоидных расстройствах. В этой концепции важен не процесс вытеснения, но проекции собственных деструктивных импульсов во внешний мир, на других людей, при этом объекты агрессии идентифицируются с ненавистными частями себя; проецироваться могут также и какие-то хорошие части своей личности. В том и другом случае человек становится сильно зависим от объектов, на которые он проецирует

части своего «я». Собственные тревоги и фантазии оборачиваются против него самого, например, импульсы контролировать объект изнутри вызывают страх контроля и преследования. Также исследователь отмечает своеобразное переживание чувства вины, которое человек проецирует на других, но не лишается его полностью — и бессознательно ощущает себя ответственным за поступки других [11, с. 69–101].

По мнению Р. Дж. Розенталя (1982; 1989), именно «проективный механизм» становится «центральной метафорой» в истории Голядкина [27, р. 61], действует на разных уровнях художественной структуры повести. В поведении героя заострена его чрезмерная озабоченность мнением о нем других, его постоянные попытки увидеть себя чужими глазами, в то же время другие для него «служат главным образом как реципиенты его проекций» [27, р. 67], его зеркала. Герой всячески избегает любой ответственности, готов отказаться от собственной идентичности, постоянно подчеркивается его стремление к самоуничтожению, желание «стушеваться», спрятаться в «мышиную щелочку» [8, с. 490]. В то же время эта черта парадоксально соединяется с его постоянным вторжением в жизнь других, на уровне сюжета это отражено в его визитах к другим без приглашения, т. е. в посягательстве на чужое пространство [27, р. 68; 28, р. 81].

В своей интерпретации характера Голядкина исследователь полемизирует с точкой зрения, что Голядкин ищет «свое место» — герой, напротив, постоянно пытается быть кем-то другим [28, р. 81]. Нарциссический характер ищет постоянного расположения, признания других, и в этом желании герой готов подстраиваться под ожидания других, быть кем угодно, однако эту аморфность он воспринимает как силу, и даже власть над другими. Голядкин терпит неудачу на этом пути, но его двойнику это удастся с успехом. Голядкин-младший «быстро и свободно пересекает все границы, меняет личины» (перевод наш. — О. З.) [27, р. 72]. Способность двойника быть кем угодно означает, что у него нет личности, он никто [27, р. 72], но для Голядкина это цель его желаний, т. к. это состояние неуязвимости и всемогущества [27, р. 76].

Включение психоанализа в методы интерпретации произведений Достоевского, конечно, означало осмысление его места среди других влиятельных концепций, прежде всего его отношение к анализу повести Бахтиным. На этот счет высказывались различные точки зрения. Например, М. Джоунс указывает на «необходимость дополнить прочтение Бахтина большей психологической основательностью» [5, с. 63]. Ю. Корриган (2017), наоборот, разводит эти теории как методологически несовместимые, психическую и когнитивную: «если романтический двойник выявляет дуалистические отношения сознающего разума и души, находящейся в бессознательном состоянии, кантианско-бахтианская концепция представляет границу между разумом, сознающим свой безграничный потенциал, и “я” как воплощенной, воспринимаемой вещью» (Фрейд в этом смысле относится к романтической традиции) (перевод наш. — О. З.) [21, р. 32].

Постепенная интеграция психоанализа в гуманитарные науки (социологию, культурологию, науки о языке), а также тенденция к использованию междисциплинарных подходов в анализе литературных текстов в современном литературоведении отразились также и на работах, посвященных «Двойнику»

Достоевского, что заставляет нас обратить внимание, например, на работы исследователей, анализирующих повесть в свете идей Ж. Лакана, Ж. Делеза и др.

К тексту Достоевского применяется понимание расщепления субъекта, как его описывает Ж. Лакан в своей теории о стадии «зеркала», формирующей личность человека. Собственное отражение в зеркале запечатлевается в сознании ребенка как идеальное «я», недостижимое в реальности и одновременно отчужденное. Увидев свое отражение как нечто чужое, человек затем осознает различие между «я» и другими. Опыт стадии зеркала приносит ощущение разрыва между действительным и идеальным, чувство своей недостаточности (которая, по Лакану, имеет также корни в доэдиповой фазе) и желание быть признанным другими. Эти мотивы в повести Достоевского обнаруживают Э. Эскрофт (2005), М. Зведенюк (2012). Эскрофт находит в произведении Достоевского лакановское желание создать свой образ через образ Другого, которое отражается в постоянном стремлении героя занять чужое место. М. Зведенюк в терминах Лакана трактует переживаемый героем разрыв между идеалом и реальностью, стремление восполнить свою ущербность через признание других [29, р. 120].

Зеркальный двойник является центральным образом в осмыслении двойничества у Достоевского также для В. А. Подороги в книге «Мимесис» (2006). Влияние Лакана можно предположить в рассуждении о том, что в зеркальном отражении человек удостоверяется в своем существовании и находит Другого (в соответствии с фрейдянским толкованием заострены его жуткие черты). Причину болезни Голядкина Подорога видит в том, что герой теряет миметическую способность, «благодаря которой “я” соотносит себя с миром, Другим и собой» [14, с. 492], теряет способность к подражанию, которую с таким успехом, напротив, воплощает его двойник (интересно сопоставить эту концепцию с «проективным механизмом» Розенталя, согласно которому герой не может различить границу между собой и другими, но потому, что становится жертвой своих проекций во внешний мир, при этом потрясающая приспособляемость Голядкина-младшего также трактуется как его неуязвимость).

К концепции Ж. Делеза обращается П. Мэтьюс (2000), в повести Достоевского он обнаруживает постмодернистскую идею гетерогенности, множественности [23, р. 29]. Исходный и принципиальный для исследователя тезис: в повести больше, чем один двойник, каждое новое появление двойника не является возвращением прежнего. Такая трактовка «подрывает принятое психоаналитическое толкование двойника», согласно которой «переживания Голядкина происходят в «виртуальной реальности», «различные манифестации объяснимы как функции воспаленного сознания Голядкина» [23, р. 34]. Согласно Делезу (работа «Складка: Лейбниц и барокко» 1988), напротив, любое восприятие галлюцинаторно. Кроме того, Гваттари и Делез критикуют Фрейда, который не понял «фундаментальную множественность бессознательного». В приложении к образам повести эта идея заключается в том, что «появление двойников не составляет повторение в смысле возвращения одного и того же» (перевод наш. — О. З.) [23, р. 36], это множественность различного. По мнению Мэтьюса, Достоевского можно даже добавить в список мыслителей, проявляющих «небарочную восприимчивость» [23, р. 40], расширив список Делеза

(С. Малларме, Бекетт). В этой статье Достоевский предстает уже не только как психоаналитик, но и как постмодернист.

С. Мертен (2001) анализирует текст Достоевского, обращаясь к концепциям, по-новому осмысляющим отношения нормы / безумия, «поэтику шизофрении». В определении болезни Голядкина Мертен следует традиционной интерпретации Ранка (шизофрения, которая имеет либидонозные и нарциссические корни [24, S. 80]). Оригинально сопоставление текста Достоевского с действительными клиническими историями душевных болезней того времени: оказывается, что изображенное Достоевским соответствует картине шизофрении в научно-медицинском дискурсе эпохи. Однако «рассказ Достоевского превосходит клиническую историю болезни, так как объясняет самостоятельный импульс параноидальной логики, как и генезис болезни, ее этиологию, исключительно с точки зрения больного» (перевод наш. — О. 3.). Хотя случай Голядкина с помощью клинических историй болезней может быть систематизирован как маниакальный, он ускользает от исчерпывающего медицинского объяснения, «текст» защищает свою автономность как патографии индивидуума в конечном счете благодаря своим специфическим речевым особенностям [24, S. 79]. По мнению Мертена, Достоевский в этом произведении разрывает с эстетикой реализма, полемизирует с позитивистской психологией, т. к. он позволяет самому больному рассказывать о своей болезни.

Случай Голядкина, кроме того, может быть интерпретирован и как критика принятых в обществе представлений о нормальном, здоровом, и ненормальном, больном. Исследователь обращает внимание на внутреннюю борьбу Голядкина между изоляцией, отвращением к самому себе и манией величия, экзгибиционизмом, в этом колебании он особенно чувствителен к мнению других и, «в той мере, в которой Голядкин-ст. видит себя отдельным от общества, он тем не менее в той же степени принимает его систему ценностей как собственную инстанцию суждения», его болезнь оказывается «неудавшейся попыткой познания себя через других» [24, S. 86–87], в которой он переживает внутреннее раздвоение. Но этот же шизоидный механизм действует и в обществе, механизм отделения больного от здорового: «...с точки зрения исключенного, т. е. Голядкина, общество в конечном счете должно казаться само по себе больной организацией» (перевод наш. — О. 3.) [24, S. 88], мир объективности тоже должен удостовериться насчет своего статуса.

Тенденция современного литературоведения, заключающаяся в особом внимании к психологическому воздействию литературного текста на читателя, тоже нашла отражение в анализе «Двойника». Все исследователи отмечают расшатывание границ между речью рассказчика и персонажа, между воображением героя и действительностью, явью и сном, которое приводит читателя в состояние замешательства. При этом механизм воздействия объясняется различно, в соответствии с авторской концепцией. Например, по мнению Р. Дж. Розенталя, действие «проективной идентификации», переживаемой Голядкиным, чувствует на себе и читатель, т. к. происходящее с Голядкиным он видит с точки зрения героя [28, p. 79]; с другой стороны, сам читатель помещает в художественное произведение собственные фантазии и ожидания,

в акте чтения тоже происходит «расшатывание границ между “я” и “не-я”, внутренним и внешним» [27, р. 64].

М. Джоунс, С. Мертен отмечают, что своеобразием речевого поведения рассказчика объясняется сопротивление текста натуралистическому прочтению: «...сомнительная позиция, занимаемая рассказчиком, заставляет читателя отвлекаться от вопросов психологии и сосредоточиваться на вопросах, касающихся природы рассказа и слова» [5, с. 77] (см. также у С. Мертен: [24, S. 79]).

Исследования «Двойника» отражают развитие психоанализа на протяжении XX в. Поражает богатство, множественность интерпретаций повести. С одной стороны, рецепция текстов Достоевского отражает общий поворот современного литературоведения от исследования замысла писателя, смыслов, заложенных им при создании произведения, к читательской интерпретации текста, имеющей право его истолковывать в соответствии с своими знаниями, опытом, позднейшими по отношению к тексту научными концепциями. С другой стороны, нельзя отрицать и некую «отзывчивость» текста Достоевского к этим интерпретациям, его неисчерпаемую многозначность, но она таится в его конечной несводимости только к достоверной истории душевного расстройства, как это было показано С. Мертен [24, S. 79].

Этим, как нам кажется, вызвано сосуществование, начиная уже с 20–30-х гг., двух установок в психоаналитических исследованиях этой повести: с одной стороны, стремление уточнить «диагноз» Голядкина в соответствии с новейшими открытиями психоанализа; с другой — понимание случая героя Достоевского как воплощения раздвоенности, изначально заложенной в человеческой природе, которое тоже получает новые трактовки в философии, психологии, социологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1956. — Т. 10. — С. 7–50.
2. Бем А. Л. Достоевский. Психоаналитические этюды. — Берлин: Петрополис, 1938.
3. В. М. Бехтерев о Достоевском (публикация С. Белова и Н. Агитовой) // Русская литература. — 1962. — № 4. — С. 134–140.
4. [Григорьев А. А.] Петербургский сборник. // Финский вестник. — 1846. — № 9, отд. V. — С. 21–30.
5. Джоунс М. Достоевский после Бахтина. Исследование фантастического реализма Достоевского / пер. с англ. А. В. Скидан. — СПб.: Академический проект, 1998.
6. Добролюбов Н. А. Забытые люди. // Добролюбов Н. А. Собр. соч.: в 9 т. — М.; Л.: Государственное изд-во художественной литературы, 1963. — Т. 7. — С. 225–275.
7. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1972–1990. — Т. 28.1.
8. Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 35 т. — СПб.: Наука, 2013. — Т. 1.
9. Ермаков И. Д. Ф. М. Достоевский (он и его произведения) // Ермаков И. Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. — М.: НЛО, 1999. — С. 347–442.
10. Кадыров И. М. «Двойник» Достоевского: попытка психоаналитической интерпретации // Психоанализ и искусство. — М.: Когито-центр, 2011. — С. 117–137.

11. Кляйн М. Заметки о некоторых шизоидных механизмах (1946а) / пер. с англ. А. Н. Ниязовой // Кляйн М. Психоаналитические труды: в 7 т. — Ижевск: ERGO, 2009. — Т. 5: «Эдипов комплекс в свете ранних тревог» и другие работы 1945–1952 гг. — С. 69–101.
12. Майков В. Н. Нечто о русской литературе в 1846 году // Отечественные записки. — 1847. — № 1, отд. V. — С. 1–17.
13. Осипов Н. Е. «Двойник. Петербургская поэма» Достоевского (Заметки психиатра) // Вокруг Достоевского: в 2 т. — М.: Русский путь, 2007. — Т. 1. — С. 74–90.
14. Подорога В. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы. — М.: Культурная революция; Логос, Logos-altera, 2006. — Т. I: Н. Гоголь, Ф. Достоевский.
15. Попов П. С. «Я» и «Оно» в творчестве Достоевского. — Ижевск: ERGO, 2013.
16. Розенталь Т. К. Страдание и творчество Достоевского. Психогенетическое исследование. — Ижевск: ERGO, 2011.
17. Фрейд З. Жуткое (1919) / пер. с нем. А. Боковинова. // Фрейд З. Собр. соч.: в 10 т. — М.: Фирма СТД, 2006. — Т. 4. — С. 263–297.
18. Чиж В. Достоевский как психопатолог. — М.: Университетская тип., 1885.
19. Ascroft E. Lacan's Desire and Dostoevsky's Double: The Problematics of psychoanalytic Discourse In a Fictional Psychosis // The Dostoevsky Journal. — 2005. — Vol. 6, is. 1. — P. 1–20.
20. Breger L. Dostoevsky: The Author as Psychoanalyst. — New York: New York University Press, 1989.
21. Corrigan Y. Dostoevsky and the Riddle of the Self. — Evanston, IL: Northwestern University Press, 2017.
22. Kohlberg L. Psychological Analysis and Literary Form: A Study of the Doubles in Dostoevsky // Daedalus. — Spring 1963. — Vol. 92, N2. — P. 345–362.
23. Mathews P. D. Dostoevsky's "The Double", Postmodernism, and the NeoBaroque // The Dostoevsky Journal. — 2000. — N1. — P. 29–42.
24. Merten S. Dostoevskijs „Doppelgänger“ zwischen pathologischem Fall und literarischem Text // Deutsche DostojewskijGesellschaft. — 2012. — Jahrbuch 19. — S. 68–96.
25. Rank O. Der Doppelgänger. Psychoanalytische Studie. — Leipzig; Wien; Zürich: Internationaler psychoanalytischer Verlag, 1925.
26. Rice J. L. Dostoevsky and the Healing Art: An Essay in Literary and Medical History. — Ardis, Ann Arbor, Michigan. — 1985.
27. Rosenthal R. J.: Dostoevsky's Experiment With Projective Mechanisms and the Theft of Identity in The Double // Russian Literature and Psychoanalysis. D. Rancour-Laferrier. — Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1989. — P. 59–88.
28. Rosenthal R. J.: Dostoevsky's use of projection: psychic mechanism as literary form in The Double // Dostoevsky Studies III. — 1982. — P. 79–86.
29. Zvedeniuk M. Doubling, Dividing and Interchanging of the Self: The "Uncanny" Subjectivity in Dostoevsky's The Double // Facta Universitatis. Series: Linguistics and Literature. — 2012. — Vol. 10, N2. — P. 109–124.